

ДУКА

«ВИЗАНТИЙСКАЯ ИСТОРИЯ» (гл. 35 - 40; 42)

[осада и падение Константинополя]

Гл. 35. Итак, когда прошло лето 1452 г. и началась пора осенняя, тиран, проводя время дома, не давал покоя очам, но ночью и днем имел думу о городе,—как бы взять его, как бы сделаться его господином. Итак, когда он был еще в крепости [на Босфоре] и строил ее, вышел из города один мастер, сооружающий камнеметные пушки, — родом венгр, мастер искуснейший. Задолго до того явившись в Константинополь, он объявил приближенным царя о своем искусстве, а те доложили об этом царю. Царь же назначил ему содержание, недостойное его знаний, — но и его, сколь ничтожно и малочисленно оно было, не выдавали мастеру. Поэтому, отчаявшись, он оставил город и бежал к варвару. А тот, с любовью приняв его и оказав ему почести, дает ему и провиант и одежду, а плату такую, что если бы царь дал только четвертую ее часть, не убежал бы этот мастер из Константинополя. Итак, был он спрошен вождем, может ли он вылить большую пушку, бросающую огромной величины камень, — так, чтобы можно было преодолеть прочность и толщину городской стены. Он же ответил: «Я могу, если ты хочешь, изготовить бомбарду, которая будет бросать каменные ядра любой величины. Я точно знаю стены города: не только эти, но и стены Вавилона превратит в порошок выпущенное из моей бомбарды ядро. Все это дело я хорошо выполняю; но самой стрельбы я не знаю и о ней не договариваюсь». Услышав это, вождь сказал: «Приготовь мне бомбарду; относительно же метанья камня сам посмотрю». Начали собирать медь, а мастер изготовил модель пушки. Итак, в три месяца было сооружено и выплавлено чудище некое—страшное и необыкновенное.

В крепости же Баск-Кесен в дни те случилось следующее: проходил из Стомия большой венецианский корабль, — капитаном его был Ритзос; и, так как он не спустил парусов, то гарнизон крепости пустил в него из пушки огромное каменное ядро: ядро пробило корабль, и, когда он стал тонуть, капитан и остальные тридцать человек сели в лодку и добрались до берега. А турки, схватив их и связав им руки и шеи цепью, как бы на одной веревке, отвели их к вождю, проживавшему тогда в Дидимотихе. А он приказал, чтобы все они были обезглавлены; капитана же велел лишить жизни, посадив на кол. Все они оставлены были без погребения, и их трупы я видел, когда, спустя немного дней, проживал там.

Явившись из Дидимотиха в январе месяце в Адрианополь и подготовив все военное снаряжение, вождь пожелал испробовать пушку, которую соорудил тот мастер. И вот, при помощи машин, поставили ее пред великими воротами у входа во дворцы, построенные в тот год, и как следует вложив камень и отмерив пороху, думал он на завтра разрядить ее. По всему Адрианополу было объявлено, что гул и грохот будут, как от грома небесного; это было сделано, дабы от внезапного грохота люди не онемели, а беременные женщины не разрешились преждевременно. Итак, рано утром мастер поднес огонь к пороху; когда нагрелся в бомбарде воздух и ядро было выброшено, оно полетело, наполнив воздух тяжким шумом, окутав все дымом и мглой. Гул же распространился в длину до 100 стадий; а камень упал далеко от того места, откуда был выпущен,—примерно в одной миле. В месте же, где он упал, образовалась яма величиной в сажень. Такова сила взрыва пороха, бросающего камень.

А вождь ночью и днем, ложась в постель и вставая, внутри своего дворца и вне его, имел одну думу и заботу, какой бы военной хитростью и с помощью каких машин овладеть Константинополем. Часто, когда наступал вечер, с двумя сопровождающими в одних случаях на коне, а в других пешком, — в облике воина обходил он весь Адрианополь, слушая, что говорят о нем. И, если кто из толпы постигал в уме, что это вождь, и, по обычаю, добрым словом хотел приветствовать его, он тотчас, не щадя и не жалея, наносил смертельный удар: подобно тому как иной, растирая блоху, чувствует некоторое удовлетворение, так и он, собственной рукой убивая, — сам достойный смерти, — находил в этом наслаждение. Итак, в одну из ночей, около второй стражи, послал он некоторых из дворцовых телохранителей привести Халил-пашу. Они же, придя, передали приказ евнухам, а те, войдя в его спальню, сообщили, что его зовет вождь. Тот же, охваченный дрожью и придя в отчаяние, обняв жену и детей, отправился. неся с собой одно золотое блюдо, полное золотых монет. Ибо всегда он имел страх в сердце своем по причине, о которой я сообщал раньше. Войдя же в спальню вождя, увидел он его сидящим и одетым. И преклонился он пред ним и положил пред ним блюдо; а вождь сказал: «Что это, лала?» (как сказал бы кто на народном нашем языке: «тата», т. е. наставник). Он же ответил: «Господин! Обычай есть у сатрапов: если вождь позовет кого из вельмож не в пору, не приходите на лицезрение его с пустыми руками. Да ничего из своего не принес я тебе, чтобы явиться пред тобою; но твоя от твоих принес». Вождь же ответил: «Еще нет у меня нужды в твоём. Лучше я подарю тебе: и притом еще больше. Одного прошу: дать мне город». Халил же задрожал весь при этом слове, потому что всегда он покровительствовал ромеям; ромеи имели его как правую свою руку и правую его руку наполняли дарами. И пели о нем все: «Кавур Ортаги», т. е. «неверных вскормленник, их защитник». Тогда, отвечая вождю, Халил сказал: «Господин! Бог, давший тебе в руки весьма большую часть земли ромеев, даст тебе и город. Ибо, как мне кажется, при божьей помощи и твоей силе не избежит он рук твоих. А я и все рабы твои будем помогать тебе, — не деньгами только, а плотью и кровью, — и относительно этого нашего намерения ты не заботься». Слова эти на некоторое время смягчили дикого зверя, и говорит он Халилу: «Видишь подушку? Всю ночь бродил я по комнате из одного угла спальни в другой, а из другого в следующий, — то садился за стол, то вставал: и сон не приходил очам моим. Итак, говорю я тебе: прельщаясь серебром или золотом, не забудь ответа, который дал ты мне сейчас; мы упорно будем бороться с ромеями и, уповая на благоволение божие и молитву пророка, город возьмем». Итак, вместе с этими и другим льстивыми словами высказав и некоторые содержащиеся среди лести неприятные Халилу намеки, от которых сжималось сердце и сохла кровь, вождь отпустил его, говоря: «Ступай с миром!» И проводя все те ночи без сна и беспокоясь, не оставлял он дум о городе, часто беря в руки бумагу и чернила и чертя план города, показывая сведущим в укреплениях, где и как поставить боевые машины и укрепления, где провести подкопы и вход в ров и лестницы к какой стене поставить, — а попросту сказать: всякое приготовление обдумывал он ночью, а рано утром, по его приказу, все делалось, потому что руководил он находчиво и очень хитро.

Гл. 36. Пройдем теперь в город и посмотрим, какая у жителей его дума и забота, чтобы город спасся от руки Навуходоносора. Царь уже послал в Рим послов, прося помощи и стремясь к соединению с Римом в единомыслии и унии, какая была установлена во Флоренции; и папа должен был получить в Великой Церкви поминовение за богослужением, а патриарх Григорий возвратиться на престол свой: и звал император, чтобы прибыли к нему послы от папы, чтобы папа укротил непримиримую вражду схизмы. И вот послал папа кардинала Польши — некогда был он

архиепископом России — Исидора, мужа умного и рассудительного и наставленного в правых догматах, ромея по происхождению; на Флорентийском соборе он был одним из выдающихся отцов. Когда с очень большим кораблем генуэзцев он прибыл на остоов Хиос, он прожил там достаточно дней, пока купцы того корабля торговали: что было нужно, отдавали. а что им требовалось, получали; — ожидали они к тому же и другой корабль, который должен был плыть вместе до Кафы. Итак, кардинал, имея с собой до пятидесяти человек из итальянцев, нанял за плату и других многочисленных латинян с Хиоса. И вот, когда показался ожидаемый ими корабль, вышли они из Хиоса и поплыли в Константинополь, прибыв в него в ноябре месяце 6961 г. И царь принял их ласково и оказал им, как приличествовало, почести. Дошли они, наконец, и до разговоров об унии и нашли, что царь был согласен на это, как и отдельные из церковников. Наибольшая же часть священнического и монашеского чина — игумены, архимандриты, монахини, — все были против. Что я говорю: «наибольшая?» Монахини побуждали меня говорить и писать, что никто, мол, не соглашался на унию и что даже царь сам соглашался притворно. Тем не менее те из клириков, — священники и диаконы, — которые показывали себя держащимися постановления об унии, и царь с синклитом, придя в Великую церковь, пожелали совершить там богу в общем единомыслии литургию и нековарной мыслью вознести ему молитвы. Тогда схизматическая часть, явившись в монастырь Пантократора, к келье Геннадия — некогда Георгия Схолария, — говорила ему: «А мы что будем делать?». Тот же, быв в затворе, взял бумаги, написал свое мнение и чрез записку объявил и совет свой. А написанное объявляло так: «О, жалкие ромеи! Зачем вы сбились с праведного пути: удалились от надежды на бога и стали надеяться на силу франков; вместе с городом, в котором скоро все будет разрушено, отступили вы и от благочестия вашего? Милостив буди мне, господи! Свидетельствую пред лицом твоим, что неповинен я в этом. Обратите, несчастные граждане, внимание: что делается? Вместе с пленом, который скоро постигнет нас, вы отступили и от отческого предания и стали исповедывать нечестие. Горе вам, когда придет на вас суд божий!» Это и другое, еще большее, написав и прикрепив написанное к двери своей кельи гвоздями, он затворился опять внутри, а бумага стала читаться. Тогда монахини, считающиеся в народе чистыми и посвящающими спую жизнь богу и православию, — по состоявшемуся у них постановлению и по указанию учителя их Геннадия — все, вместе с игуменами и духовниками, а также с остальными иереями и с мирянами, стали выкрикивать анафему и проклинали и постановление Флорентийского собора и возлюбивших его, и любящих, и имеющих любить. И вот беспорядочная и праздношатающаяся толпа, выйдя из ограды монастыря в харчевни, с бокалами, полными несмешанного вина в руках, стала анафемствовать там униатов и пить в честь иконы богоматери, призывая ее быть заступницей и защитницей города, — как некогда против Хозроя и Хагана, и арабов, так и теперь против Магомета: «Ибо, — говорили они, — ни помощи латинян, ни унии мы не желаем; пусть удалится от нас богослужение азимитов!» Христиане же, собравшиеся в Великой церкви, учинив к богу пространное моление и выслушав речи кардинала, возлюбили соборное определение об унии: и в полном согласии постановили, чтобы, когда минует турецкая осада и настанет спокойствие, некоторые из авторитетных с той и другой стороны мужей в заседании рассмотрели бы соборные постановления и, если есть у них что не совсем правильное, исправили бы. Итак, в том же полном согласии пожелали, чтобы в Великой церкви служилась общая литургия, совершаемая совместно итальянцами и греками и чтобы поминали в диптихах при этом папу Николая и выбывшего из отечества патриарха Григория. Священное же это тайнодействие совершено было в месяце декабре, 12-го дня, 6961 г. А были многие и такие при этом, которые не приняли просфоры антидора, как мерзкой жертвы, совершенной на

униатской литургии. Кардинал же ясно видел всякое сердце и всякое намерение греков, потому что не скрыться было от него обманам и хитростям греков. Но, так как и сам он происходил из того же самого народа, то поспешил он, хотя и с небольшим рвением, помочь городу: и довольствовался он лишь изложением папе в защитительной речи того, как происходило дело; большее же возложил он на бога, все строящего к полному концу. Но чернь грубая, враг прекрасного, корень высокомерия, ветвь тщеславия, цвет гордости, выжимки рода эллинов, истинное презрение, презирающее другие людские народы, все сущее считала не сущим. Поэтому, когда приверженцы унии беседовали со схизматиками, последние говорили так: «Оставьте! Посмотрим сначала, истребит ли бог этого врага, который стоит против нас, — этого великого дракона, хвастающего, что совсем проглотит город: и тогда вы увидите, соединимся ли мы с азимитами».

Говоря это, не соображали несчастные, какие великие клятвы давали они для устройства и единомыслия христиан, т. е. церквей: на соборе в Лионе, бывшем в дни первого Палеолога, — на соборе во Флоренции, бывшем в дни последнего василевса из Палеологов, и, наконец, теперь, на божественном и священном этом тайнодействии. Все эти данные ими клятвы, с прошениями во имя св. троицы, от которых и разрешить нельзя, должны истребить с земли самую память о них, а с ними вместе и память о городе. Несчастные! Что вы о пустом заботитесь в сердцах? Вот священники твои, и монахины, и монахи твои, и блюстители храмов твоих, и блюстительницы, которые не пожелали причаститься пречистого тела и крови из рук греческих священников, совершающих божественные тайны по церковному преданию Востока, называя эти обряды оскверненными и нехристианскими, вы избегаете благословения священников и именуете храмы языческими капищами, а завтра будете преданы в руки варваров и осквернены и загажены и душой и телом. Ибо собственными глазами видел я монахиню, наставленную в божественных словесах, не только евшую мясо и носящую на теле одежды варваров, но и приносящую лежачему пророку жертву и без стыда исповедующую нечестие.

Но что же было сделано в то время, как проходил этот промежуток в пять месяцев? Ибо вслед за ним настанет и тот, следующий страшный день, — и с воплями о нем будет рассказано. Итак, послал царь некоторых из своих архонтов на острова и в другие христианские области закупать хлеб и всевозможные плоды и иные припасы, так как весной ожидали прибытия тирана. И скопилось четыре огромных корабля со всем необходимым на острове Хиосе: с хлебом, вином, маслом, сушеной винной ягодой, сладкими рожками, ячменем и всяким другим видом плодов. Ожидали еще один грузовой корабль из Пелопоннеса. И, когда дождались, пять кораблей с рослыми и мужественными моряками, — а я бы сказал: и с многочисленными, и хорошо вооруженными, — спустя немало поплыли в Константинополь. И были все острова в беспокойстве и печали по поводу города. И одни люди думали, что город будет завоеван и взят варварами; другие же полагали, что, как отец и дед Магомет, желавшие взять его, оказались впустую трудившимися, так и он сам пойдет, вероятно, по той же самой протоптанной дороге.

Гл. 37. Итак, когда прошел месяц январь и начался февраль, приказал Магомет перевезти бомбарду к Константинополю: и запрягли тридцать упряжек, и тащили ее позади себя 60 быков; я сказал бы: быки быков. А с боков бомбарды — по 200 мужчин с каждой стороны, чтобы тянули и уравнивали ее, чтоб не упала в пути. А впереди упряжек — 50 плотников, чтобы готовили деревянные мосты для уравнивания дороги, — и с ними 200 рабочих. И так прошел февраль и март до того, как оказа-

лась она в месте, расположенном от города в 5 милях. Ибо незадолго до этого времени в укрепления Понта, т. е. Месемврию, Ахелоон, Вилон и остальные, был послан с войском Караджа-бек и присоединил их. Подобным же образом, взяв штурмом и расположенные у Селимврии башни святого Стефана, всех, кто был внутри их, перебил. Остальные же učinили поклонение, как и крепость Эпиваты. Итак, которые сдались, спаслись нетронутыми; те же, которые оборонялись, были обезглавлены. Селимврия же мужественно оборонялась до взятия столицы. Итак, когда бомбарда была привезена на место, куда было приказано, а Караджа-беку дано было приказание охранять ее, он поспешил с войсками, с одной стороны, опустошить окрестности города, а с другой, не дать ромеям возможности выйти из ворот города. А были там и в течение всей зимы расположены на зимних квартирах три отряда из Мизии и Пафлагонии для несения стражи, чтобы не вышли ромеи и не сделали набега на турок. Итак, вторжение было великое, и ромеи не могли выйти.

Но в то же время с моря, на биремах и триремах, они опустошали расположенные по морскому берегу до Кизика турецкие местности и многих взяли в плен: и одних убили, других же, приведя в Константинополь, продали...

... Тиран от начала месяца марта во все области послал вестников и глашатаев, приказывая всем вступать в войско, снаряженное против города. И вот люди, которые были записаны на военную службу, стали стекаться. О незаписанных же, исчисляемых десятками тысяч, кто расскажет? Ибо бежал всякий и каждый, кто слышал что против города: лишь не бежали малые дети, которые еще не могли ходить, так и старики, которые уже не могли бежать. Граждане же молили бога, чтобы не пришел тиран во святую седмицу, потому что слышали, что тиран — на колеснице и уже идет. Итак, в пятницу недели обновления Навуходоносор у ворот Иерусалима. И раскинул он свои палатки против ворот Харса, позади холма. И все воинство его — от Ксилопорты, лежащей близ дворца, до Золотых ворот, что к югу: и опять от Ксилопорты до Космидия и от юга—на равнину, которую опоясывали вокруг виноградники: и были эти виноградники еще раньше опустошены Караджой. И осадил Магомет город в апреле, в шестой день, в пятницу после Пасхи. Граждане же города от того дня, в который как бы произошло в Великой церкви церковное воссоединение, убежали от нее, как от иудейской синагоги: и не было в ней ни приношения, ни всесожжения, ни фимиама. Если какой из иереев случайно совершал в ней богу в выдающийся день литургию, то молящиеся стояли в ней до момента приношения святых даров, и тогда все выходили: как женщины, так и мужчины; как монахи, так и монахини. Что надлежит сказать по поводу этого? Храм этот они считали капищем, а жертву — приносимой Аполлону. Об этом и Исаяя говорит, как бы из уст бога: «Вот я переселю народ этот; непременно переселю их; и погублю мудрость мудрых их и разум разумных развею. Горе скрытно устрояющим совещания, — совещания не по господу! Устрояющие втайне совещания, думают, что будут во мраке дела их, и говорят: «Кто нас видел? Кто узнает о нас или то, что мы делаем?» По этой причине говорит господь следующее: «Горе вам, дети мои — отступники: вы сделали совещание не по мне и договорились не по духу моему, но чтобы приложить прегрешения к прегрешениям». Геннадий же не переставал каждый день поучать к писать против униатов и сплетал силлогизмы и ответы против мудрейшего и блаженного Фомы Аквината и его сочинений и против господина Димитрия Кидония, объявляя их еретиками; помощником и сообщником имел он из царского совета первого советника, великого дуку, — того самого, который, когда ромеи увидели бесчисленное турецкое войско, осмелился сказать против латинян, а скорее — против города: «лучше видеть царствующей среди города турецкую чалму, чем латинскую тиару», — ибо

жители города, отчаявшись, говорили: «О, если бы отдан был город в руки латинян, именующих Христа и богородицу, и если бы не были мы свергнуты в лапы нечестивых!» Тогда и он произнес это. Но относительно его еще Исая сказал, как и Езекия: «Выслушай слово господина Саваофа: «Вот придут дни, — и возьмут все в доме твоём. И все, что собрали отцы твои до дня сего, пойдет в Вавилон, чтобы ничего не было оставлено тебе. И из детей твоих, происходящих от тебя, которых ты родишь, возьмут и сделают их евнухами в доме царя вавилонского»».

Гл. 38. Итак, царь Константин вместе с живущими в Галате генуэзцами, насколько была возможность, в высшей степени заботился о защите города, ибо и генуэзцы полагали, что если бы город был взят, то и их укрепление делается пустынным. Поэтому еще раньше послали они в Геную письма, прося помощи: и ответили им оттуда, что на помощь Галате уже идет один корабль с 500 тяжеловооруженных. Да и венецианские торговые триремы прибыли из Мэотийского залива и реки Танаис и из Трапезунта: царь и живущие в городе венецианцы не позволили им уйти в Венецию, и они остались на случай помощи городу. Подобным же образом прибыл из Генуи некто по имени Иоанн Лонг, из рода Джустиниани, с двумя преогромными кораблями, имея на них вместе с вооруженными генуэзскими воинами и военные машины, — многие и прекрасные, дышащие яростным духом. И был этот Иоанн муж искусный, а в схватках и в военных сражениях сомкнутым строем весьма опытный. Царь принял его с честью, и наделил его воинов жалованьем, и осыпал милостями, и почтил его саном протостратора, — и он взял на себя охрану лежащих у дворца стен. Ибо видели, что тиран водружает там для метания каменных ядер пушки и всякие другие приспособления для разрушения стен. Подарил он также ему чрез хрисовульную грамоту и остров Лемнос если Магомет будет отбит и возвратится назад, ничего не достигнув из того что он с дерзостью надеется получить от города. Итак, с этого времени латиняне вместе с Иоанном сражались героически, выходя из ворот города и стоя во внешнем укреплении и по рву. Часто, выскакивая и за ров вступали ромеи в рукопашный бой с турками, иногда отступая, иногда же захватывая пленных. Но это не приносило ромеям пользы, ибо, по правде сказать, один ромей был против двадцати турок. Как могли они лицом к лицу сражаться с турками и уцелеть? Поэтому был дан совет такой, чтобы ромеи сражались со стен на передовых укреплениях: одни при помощи метательных копий, другие посредством стрел, иные же при помощи свинцовых ядер, выпускаемых благодаря пороху по пяти и десяти сразу: величиной мелкие, как черноморские орехи, и обладающие такой пробивной силой, что если бы случилось ядру попасть в носящее железные доспехи тело, то, пронзив и защиту и тело, оно выходит наружу и, если случится при этом другое, перескакивает в другое, а затем из него в следующее, пока не ослабеет сила заряда. И при помощи одного выстрела можно убить двоих и троих. Но и турки научились этим пользоваться, а, в то же время, и сами подобным образом поражались.

Итак, когда половина апреля была проведена в незначительных схватках, то, так как тиран собирался на большее, были стянуты поэтому воины отборные и наилучшие: свыше числа, можно сказать. Те, кто рассматривал их, говорили, что свыше 400 тыс. А галатские генуэзцы еще до прихода тирана, находившегося еще в Адрианополе, послали послов, возвещая искреннюю к нему дружбу и возобновляя написанные раньше договоры. И он отвечал, что он — друг их и не забыл свою любовь к ним, — только чтоб не оказались они помогающими городу. И они обещали. Однако, как показал конец, один из них смеялся над другим. Ибо жители Галаты думали, что теперь все будет как прежде, когда город был осажден предками тирана, которые ничего не добились и ушли с пустыми руками, а жители Галаты и им свою дружбу выказали, и горожанам, по

мере своих сил, помогали. Так и теперь обманно они выказывали ему дружбу, на самом же деле тайно помогали в войне городу. А тиран в свою очередь думал: «Дозволю я, чтобы змея спала, до тех пор пока поражу дракона, и тогда один легкий удар по голове, и у ней потемнеет в глазах». Так и случилось.

Тогда были стянуты к городу по морю и корабли его с триремами, биремами и легкими судами — числом до 300. Городская же гавань была заперта цепью, протянутой со стороны городских ворот, называемых «Красивыми», к стороне Галаты; ромейские корабли непрерывным рядом стояли внутри, держа под наблюдением гавань и цепь.

Кораблей же, о которых мы говорили, было пять: один из них был царский и вез хлеб из Пелопоннеса, другие же четыре были наняты царем в Генуе и до марта месяца по некоторым своим надобностям стояли еще на Хиосе. Когда наступил апрель и хотели они поднять якоря, северный ветер загородил им дорогу. И были граждане Константинополя в великой печали, — равно как и экипажи. Когда же северный ветер ослабел и перестал и начал дуть южный, корабли вышли из Хиосской гавани. И хотя в первый день он дул незначительно, во второй усилился, и по его воле неслись корабли. И стояли жители Константинополя, с нетерпением от этого ожидая прекрасного результата, хотя и не получили пока никакой пользы. Итак, когда показались корабли, тотчас тиран, как дикий дракон, устремился с гневом на свои триремы и остальные корабли, говоря и приказывая им сделать одно из двух: или корабли взять, или воспрепятствовать им войти в гавань. Тогда турецкие суда вышли в море и остановились, ожидая прибытия наших кораблей вне гавани за Золотыми воротами. Корабли же наши шли по той же самой дороге и желали пройти акрополь Мегадимитриос, чтобы войти в залив Золотого рога, но кораблям противостояли турецкие суда. А море в тот час было спокойно, ибо ветер не дул. И можно было видеть удивительное зрелище, ибо усеянное тремьятами турецких парусов и пятью величайшими из кораблей море превратилось как бы в сушу, а тучи дротиков препятствовали опускать в воду весла. Моряки же генуэзских кораблей, как орлы крылатые, сверху, как молнии, низвергали из метательных машин снаряды и разбивали неприятельские корабельные снасти, — и страх немалый сделался у турок. Тиран же, вследствие безмерного чванства, верхом на коне устремившись в море, хотел было пересечь пучину и на коне доплыть до своих кораблей, настолько он был сердит на своих; за ним последовало и войско в военных доспехах. В это время подул ветер, паруса надулись, и генуэзские корабли, разрезая турецкие суда, поплыли, держа путь в гавань: турецкие же суда остались стоять на месте. Если бы, конечно, флот варваров был в это время впереди генуэзских кораблей, пять этих кораблей могли бы пустить ко дну и все триста. Тиран же, не зная морской науки, только каркал. Великий же начальник флота не хотел его слушать, так как приказывал он противно разуму. Тогда разгневанный тиран приказал флоту отойти в Диплокионий, а великого начальника флота велел привести пред лицо его. Итак, когда он был приведен и брошен на землю и четырьмя прислужниками был растянут на земле, вождь сам своими собственными руками стал бить его, дав сто ударов золотой палкой, головка которой, сделанная из чистого золота, была весом в 500 фунтов; эту палку на пробу он соорудил, чтобы наказывать ею. Человек же этот, именуемый сыном Палда, происходил из болгар: от одного из архонтов Болгарии. Задолго до этого он обращен был в рабство, отрекся от отческого благочестия и стал наследственным рабом Магомета. Это был тот самый, который четыре года до того ходил на Лесбос и взял там бесконечное количество пленных. Однако своим морякам не был он хорошим другом, отнимая у них добычу. И когда один из азапидов увидел его от тирана оскорблен-

ным и избитым, он, подняв камень и ударив его по виску, выбил ему один глаз. Корабли же пришли в гавань и жители города, опустив цепь, дали им дорогу. Тогда тиран, увидев, что в гавани имеется больших кораблей восемь, а малых за двадцать и, кроме того, царские триремы и триремы венецианцев и очень много других малых, понял, что невозможно завладеть гаванью; однако пришла ему в голову отважная и достойная воина мысль. Приказывает он, чтобы напрямик были пройдены лощины, лежащие позади Галаты, — от участка, что к востоку, внизу Диплокиония, до другого пункта Галаты, лежащего на берегу залива Золотого Рога против Космидия. И когда сделали, насколько могли, путь гладким, — поставив биремы на катки и оснастив их парусами, приказал он тянуть суда по суше от переправы священного Стомия и ввести их в залив Золотого Рога. И тянули суда: и на каждом находился начальник гребцов и другой, сидящий на рулях: третий же, управляя снастями, приводил в движение паруса; иной бил в бубен, другой же подыгрывал на трубе, пел морскую песню. И, плывя так с попутным ветром, прошли они всю сушу, — лощины и потоки, — пока, наконец, не достигли залива и не ввели в него восемьдесят бирем; остальные же оставил он там, где они стояли раньше. Кто видел что-либо подобное? Или кто слышал? Ксеркс построил мост через море, и все его столь многочисленное войско прошло поверх моря, как по суше. А этот новый Александр Македонянин и, как мне кажется, из рода своего тиран последний, сушу превратил в море, и как по волнам, перевел корабли по вершинам гор. Но этот выше Ксеркса. Ибо тот, перейдя Геллеспонт, был посрамлен афинянами и повернул назад. Этот же, перейдя сушу, как море, сокрушил ромеев и взял воистину золотые Афины, украшающие мир,—городов царицу.

Так обстояли дела на море. На суше же преогромную бомбарду поставил он насупротив стены близ ворот святого Романа. И взял бомбардир прицел, ибо сбоку имел он еще две сооруженные бомбарды, выбрасывающие искусно приготовленные ядра весом примерно в 50 фунтов. И, когда хотел он разрядить большую, то прицеливался, посылая снаряд сначала из малой. И тогда по прицелу стрелял и из самой большой. И когда ударил первый выстрел и слышали жители города треск, они онемели от ужаса, а затем стали кричать: «Господи, помилуй!».

... Тогда сбылось реченное от бога чрез Иеремию, говорящего: «К чему ты приносишь мне ладан из Савы и корицу из земли издалека? Всесождения ваши неприятны, и жертвы ваши не в сладость мне». Посему следующее говорит господь: «Вот я даю на народ этот бессилие, и расслабуют в нем отцы и сыновья вместе; погибнут сосед и ближние его». Следующее говорит господь: «Вот идет народ с севера и племя великое и цари многие поднимутся от края земли; луком и мечом хорошо они будут владеть; народ этот дерзкий и лишенный жалости; голос его — как море волнующееся; на конях и колесницах они выстроятся, как огонь, на войну с тобой, дочь Сиона». Мудрец же зла оно, бомбардир, предусмотрел некий способ, чтобы бомбарда не была разорвана. В самом деле: мы знаем, что бомбарда выпускает снаряды. Поэтому, после того как разряжалось орудие, если оно не предохранялось, будучи прикрываемо войлоками из толстой шерсти, обычно оно тотчас же, как стекло, давало трещину. Однако даже и после такой заботы, дважды или — много — трижды выстрелив, орудие раскалывалось, когда воздух проникал в образовавшиеся пустоты и углубления металла. Что же бомбардир сделал? После того как из пушки, кипящей от испарения селитры и серы, был выброшен снаряд, тотчас же канонир обильно смазал ее маслом и легко стала она производить выстрелы, пока не довершила разрушения города. И еще после этого сохраняется она целой и действует по желанию тирана.

Итак, выстрелив и потрясши стену, канонир хотел вторично бросить в то же самое место еще одно каменное ядро. Находившийся тут посол Янка посмеялся над выстрелом, говоря: «Если хочешь, чтобы легко упали стены, направь пушку в другую часть стены, отступив от места попадания первого снаряда саженой пять или шесть, — и тогда, равняясь по первому, мечи другой снаряд. А когда аккуратно попали два крайних, тогда бросай и третий, — так, чтобы три снаряда находились в фигуре треугольника, и тогда увидишь, как эта часть стены упадет на землю». Понравился этот совет, и канонир так и сделал, — так и вышло. А чем именно был вынужден венгр, когда дал этот совет тирану, сейчас расскажу. Царь Венгрии в том году получил Римскую империю и папою Николаем был коронован, и препоясавшись во власть свою; и удален был от опекунской сласти Янк, и восприял все попечение об управлении царь, он же и император. Имея же клятвенные с Магометом договоры о дружбе, утвержденные на три года, — когда уже исполнилось полтора, объявил Янк Магомету: «Государственную власть передал я господину моему и с настоящего времени не могу отвечать за то, что обещал: возьми писания, которые ты дал, и дай наши и делай с царем Венгрии, что хочешь». Это и было причиной прибытия посла. Относительно же совета, который, как христианин, не должен он был давать, пишу так, как слышал. Говорят, что когда после третьего поражения Янк, спасаясь бегством, возвращался в отечество не как хотел и не как было прилично, он встретился с одним из духоносных мужей и рассказывал ему обстоятельства поражения, сетуя на то, что счастье оставило ромеев и с веселым лицом стало взирать на нечестивых. Старец же отвечивал: «Знай, сын: не будет улыбаться счастье христианам, если не придет ромеям окончательная гибель. Ибо необходимо, чтобы Константинополь был разрушен турками: тогда и неудачи христиан будут иметь конец». Итак, зная и об этом пророчестве, и о несчастливых предзнаменованиях, посол Янка желал, чтобы город скорее был взят, и своим советом научил турок, как надо стрелять, чтобы легко упала стена. Когда уже рухнули наземь две части стены и стоявшая в середине между ними башня, и когда упала башня в воротах святого Романа, неприятели увидели тех, кто был внутри и сами стали видимы им. Иоанн Джустиниани со всеми, кто был подчинен ему, и с дворцовыми воинами храбро сражался, а вместе с ним и небольшая часть вооруженных мужей из Галаты, ибо и они показывали любовь к городу. И, выходя из стен Галаты, безбоязненно проводили они время на равнине турецкого лагеря и в изобилии давали тирану все необходимое и искомое: и масло для орудий и иное, если что требовали турки. Тайно же помогали они ромеям и, переправляясь к ним ночью, вместе с ними сражались весь день; когда же наступала ночь, сменялись в городе другие, а они проводили время в своих домах или в турецком лагере, чтобы скрыться в том деле от турок. Венецианцы же вместе с ромеями сражались против турок в Царских воротах до Кинига. Великий же дука с 500 вооруженных обходил весь город, одушевляя повсюду воинов и проверяя караулы и определяя число погибших: и делали это каждый день. Ибо не предпринимал нечестивец подлинного штурма, выжидая момент, усматриваемый его гадалками. Царь же, увидев стены упавшими, стал истолковывать это и как недоброе знамение для города и как несчастье для себя самого, ибо со времен Константина святейшего в столь великих войнах со скифами, персами и арабами никогда еще не случалось, чтобы упал со стен хотя бы один камень весом хотя бы в один фунт. Поэтому теперь, увидя все это: и столь великое бесчисленное войско, и флот столь сильный, и путь широкий, открытый врагу в город, — царь пришел в отчаяние, потерял всякую надежду и, послав послов, просил тирана, чтобы он наложил, какую хочет, ежегодную дань, даже свыше силы, — и прочее, чего ищет, — только чтобы удалился отсюда, дал и возлюбил мир. Тиран же сказал: «Невозможно, чтобы я удалился: или я возьму город, или город возьмет меня, —

живым или мертвым. Если же ты хочешь удалиться из него, то после заключения мира я даю тебе Пелопоннес, а им, твоим братьям, дам другие области, и будем друзьями. Если же ты не предоставишь мне входа в город мирно и я войду в него с боем, то всех твоих вельмож вместе с тобою я поражу мечом, а остальной весь народ отдам на разграбление всем из нашего войска, кто пожелает: и опустеет город». Услышал это царь и не мог принять никакого решения, ибо невозможно было допустить, чтобы город из рук ромеев был передан туркам. Ибо, если бы это случилось, — какой путь или какое место или какой христианский для переселения город имели бы ромеи, чтобы их не оплевывали, не поносили и не печалили? И не только христиане, но и сами турки и евреи стали бы презирать их.

Тогда Лонг Джустиниани задумал приблизиться ночью к неприятельским биремам и сжечь их. И вот, приготовив одну из трирем и поместив на ней испытаннейших из итальянцев и всевозможные машинные приспособления, они стояли; ожидая часа. Генуэзцы же Галаты, узнав, что делается, сообщили об этом туркам. А те, всю ту ночь проведя без сна и приготовив пушки, стали ожидать латинян. Латиняне же, ничего не зная о сношениях жителей Галаты с нечестивцами, околю полуночи подняли якоря, и трирема без шума приблизилась к турецким судам. Турки же, так как в течение всей ночи они бодрствовали, бросают в порох бомбарды огонь; и вот выпущен был камень в трирему: с величайшим шумом ударив в нее, он низверг ее вместе с моряками вниз под воду, потопив в глубине. Это ввергло латинян в страх и беспокойство немалое, а Иоанна в немалое уныние, ибо все, свыше полутора человека потонувших были с его корабля юноши проворные и очень воинственные. Турки же, став надменными, все подняли великий победный крик, — и те, которые были на кораблях, и те, которые были в палатках; они подняли такой сильный шум. что, казалось, земля на том месте сотрясается, и от страха жители города и жители Галаты все стали звать на помощь. А когда наступил день, турки, радостно и самоуверенно продолжая осаду города и гордясь неожиданным потоплением триремы, вставили в дуло пушки другой камень и тоже преогромный. И вот, когда близ ворот Галаты стоял один корабль, несущий всевозможных видов купеческий груз и думающий плыть в Италию, потому что корабль и груз принадлежали купцам Галаты, турки выпустили в него камень, который разорвал чрево корабля; совершенно разрушенное, это судно затонуло в пучине. Этот дар был воздаянием той нерушимой дружбе, которую оказывали турки жителям Галаты. Ибо в тот же самый день отправились они к турецким вельможам, взывая: «Мы — друзья ваши и, делая дела дружбы, сообщили вам о готовящейся атаке триремы. И, конечно, если бы вы не были извещены нами о ее выходе, впустую были бы все столь великие труды введенных в залив по суше восьмидесяти судов ваших, ибо в пепел и золу, думается, были бы превращены эти суда ромеями. Вы же, вместо благодарности, причинили нам величайший вред». Вельможи ответили: «Не знали мы, что это ваш корабль; но, будучи уверены, что это корабль противников наших, мы так поступили. Сохраняйте спокойствие и молитесь, чтобы мы скорее взяли город. Ибо это уже не за горами, и время этого близко, — и тогда мы рассчитаемся с вами и за ущерб, и за все прочее, чем мы обязаны вам». С этими сладкими словами ушли жители Галаты, не зная, несчастные, что спустя немного времени с ними самими и городом их произойдет то же, что с городом Константина.

Тиран же построил и мост деревянный: от берегов Галаты в сторону Кинига. А постройка его шла так: приказывает тиран собрать свыше тысячи пустых винных бочек; и связали их канатами, — так, чтобы получился длинный ряд бочек и еще один ряд, подобный первому; затем, соединив

и скрепив оба ряда и приколотив с обеих сторон бревна, настлали поперек доски. И был мост такой ширины, чтобы без труда проходили по нему пять пеших воинов.

Гл. 39. Итак, приготовив все, как ему казалось прекрасно, послал Магомет послов внутрь города сказать царю: «Знай, что все к штурму уже приготовлено, и теперь наступает время осуществить принятое нами задолго до сего в сердце. Исход же нашего намерения оставляем богу. Что скажешь? Хочешь ли оставить город и уйти отсюда вместе с твоими архонтами и имуществом их, чтобы народ не потерпел вреда и от нас и от тебя? Или хочешь сопротивляться и вместе с жизнью потеряешь и имущество и ты, и те, кто с тобой, а народ, плененный турками, будет рассеян по всей земле?» Царь же с синклитом отвечал: «Если ты желаешь, подобно отцам твоим, жить в мире с нами, — благодарение богу. Ибо те родители моих за отцов считали и так почитали их, город же этот за отчизну; ведь во время опасности все они входили внутрь его и спасались здесь. А тот, кто нападал на него, не жил долго. Владей же несправедливо похищенными у нас укреплениями и землей, — мы признаем это справедливым; отстригай и дани, — такие, какие по нашей силе мы можем ежегодно дать тебе, — и уйди в мир. Ибо, как знать: надеясь получить прибыль, оказался ли бы ты получившим прибыль? А отдать тебе город не в моей власти, да и не во власти обитающих в нем. Ибо по общему нашему решению все мы добровольно умрем и не пощадим жизни нашей».

Услышав это и отчаявшись без боя получить город, тиран приказал, чтобы сказано было об этом во всем войске. И сделал он известным день штурма, присовокупив при этом, что не ищет себе никакой другой добычи, кроме зданий и стен города. «Другое же всякое сокровище и пленные пусть будут вашей добычей», — сказал он. Тогда все благодарили его. Когда же настал вечер, то, послав кругом в лагери глашатаев, повелел он в каждой палатке зажечь большие огни и костры. Когда были зажжены огни, повелел он поднять всем, с шумом и воплем, нечистый их воинский клич, обличающий их нечестие. И видно было и слышно необыкновенное диво: ибо огни, излившись на землю и море, яснее солнца освещали и весь город, Галату, все корабли и суда дальше Скутари. И вся поверхность моря так блестела, как, сказал бы кто, при молнии. О, если бы на самом деле была молния, не освещающая только, но сжигающая и уничтожающая! Ромеи же думали, что начался пожар в неприятельском лагере, к выбежали на развалины стен. И, видя их пляски и слыша радостные военные кличи, представили себе свое будущее, и с сокрушенным сердцем зывали к богу: «Господи! Пощади нас в праведном гневе твоём и избавь нас от рук супостата!» Простолюдины, только завидев столь великое зрелище и услышав крик, стали дышать, как полумертвые, не будучи в состоянии ни вдохнуть, ни выдохнуть. Иоанн же был в течение всей этой ночи в трудах и, повелев все находящиеся в городе ветки собрать и положить в развалинах стен, соорудил изнутри [пред внутренними стенами], чтобы защищать разрушенные наружные, другой ров. И увидели ромеи, что вход и выход к ним сделался открытым и что они не могут выйти за ворота и противостоять туркам во внешнем укреплении, не будучи прикрыты упавшими стенами. Некоторые из стариков знали в нижней части дворца один подземный, за много пред этим лет надежно укрепленный, выход, и, когда известили об этом царя, по его приказанию он был открыт: и вышли из него, защищаемые сохранившимися здесь в целости стенами, и на валу сразились с турками. Имя же тех потайных ворот было некогда «Керкопорта».

В воскресенье повелел тиран начать общий штурм. С наступлением вечера не давал он покоя ромеям всю ночь. Это воскресенье пришлось на

день всех святых, на 27 мая. Когда же засиял день, начал он штурм не столь великий до часа девятого. После же девятого разместил войско от дворца до Золотых ворот, а восемьдесят судов от Ксилопорты до Платеи. Другие же суда, стоящие в Диплокионии, окружили с моря город, начиная от Красивых ворот вдоль Мегадимитриоса, акрополя и Малых ворот, что в монастыре Одигитрии, вдоль Великого дворца и порта, вплоть до Бланка; каждый из кораблей был снабжен лестницами, равными высоте стен, и всяким другим снаряжением. Итак, когда зашло солнце, раздался сигнал, и сам тиран во втором часу ночи выехал верхом на коне и была схватка весьма великая. На упавших стенах защитники сражались с его верными рабами, молодыми и весьма сильными, числом свыше 10 тыс., обороняясь как львы. Позади же и с флангов — мужи воинственные, конные, свыше 100 тыс. В нижних же частях до гавани Золотых ворот — другие 100 тыс. и свыше; а от места, где стоял вождь, и до оконечности дворца — еще 50 тыс.; а на палубах судов — свыше числа. Защитники города разделились: царь с Иоанном Джустиниани был на упавших стенах, вне укрепления, на валу, имея с собой примерно 3 тыс. латинян и ромеев: великий дука — в папских воротах, имея примерно 500: стены же против моря и укрепления от Ксилопорты до Красивых ворот охраняло свыше 500 метальщиков и стрелков; от Красивых ворот, делая весь круг до Золотых ворот, в каждом стенном зубце стоял один стрелок или метатель дротиков, или метальщик камней. Итак, всю ночь они провели без сна и совсем не ложились спать. Турки же с вождем спешили приблизиться к стенам, неся бесчисленные, заранее приготовленные лестницы. Итак, тиран, стоя позади войска с железной палкой, гнал своих стрелков к стенам — где льстя словами, а где и угрожая. Защитники города мужественно противоборствовали, сколько хватало сил. Иоанн же отважно присутствовал со своими тут же, имея и царя в военных доспехах: и оба они со всем своим войском противоборствовали.

Итак, когда военное счастье уже склонялось на сторону турок, отъял бог из среды войска ромеев вождя их — гиганта, воителя и человека огромного влияния. Ибо, когда было еще темно, свинцовой пулей он поражен был в руку, и пробила пуля его железные доспехи, которые были, впрочем, изготовлены, как оружие Ахиллеса, — и не мог он больше, вследствие раны, держать себя спокойно. И говорит он царю: «Стой отважно; я же пойду до корабля и после перевязки скоро вернусь». Исполнилось в тот час сказанное иудеям чрез Иеремию: «Так скажите Седекии. Следующее говорит господь бог Израилев: вот я обращаю против вас военное оружие, которое в руках ваших и которым вы воюете против царя вавилонского и халдеев, окруживших вас вне стены, — и введу их в средину этого города. И буду сражаться против вас дланью простертою и рукой высоко поднятой, с яростью и гневом и раздражением великим: и поражу живущих в городе этом людей и скот смертию великой, и умрут они. Не пощажу их, и не пожалею их». Царь же, увидев, что Иоанн удаляется, оробел, как и те, которые находились с ним; однако, сколько было силы, сражались. Турки же, понемногу приблизившись к стенам, неся щиты, стали приставлять лестницы. Однако ничего не достигли, потому что препятствовали им, бросая сверху камни, так что, в конце концов, встречая препятствие, остановились. Ромеи же все вместе с царем были поставлены в боевой против врагов порядок, и вся их сила и намерение были направлены к тому, чтобы не допустить, чтобы с упавших стен открылся туркам вход в город: а тем временем пожелавший этого бог тайно ввел их в город другой дорогой. Увидев ворота, о которых мы говорили выше, отпертыми и ворвавшись внутрь города, до пятидесяти из названных мужей, рабов тирана, поднялось на стены и, дыша огнем, убили вышедших им навстречу и стали сшибать с ног стрелков. И можно было видеть полное содрогания зрелище, ибо ромеи и латиняне, препятствующие

придвигаящим к стенам лестницы, одни были ими рассечены, другие же, закрыв глаза, падали со стены, сокрушив тела и ужасным образом лишаясь жизни. Лестницы же стали турки приставлять теперь беспрепятственно и поднимались на стену, как орлы летящие.

Ромеи же, бывшие с царем, не знали о происшедшем, потому что ворвались турки в город далеко, а, кроме того, и потому, что все их внимание было направлено на сражающихся против них. Ибо сражающихся с ними турок, мужей воинственных, было двадцать против одного ромея, да к тому же ромеи не были столь великими воинами, как сражавшиеся против них турки. Итак, и цель их и забота были направлены против тех. Вдруг в это время видят они стрелы, устремляющиеся на них сверху и поражающие их. Посмотрев вверх, видят они турок: увидев же, обратились в бегство. И, не будучи в состоянии войти чрез ворота, называемые Харсийскими, теснят они в толпе друг друга: те же, которые имели больше сил, растапывая слабых, входили. Тогда войско тирана, увидев бегство ромеев, в один голос завопив, вбежало за наружную стену, топчая несчастных и убивая. Ворвавшись туда, они не могли вступить в ворота внутренней стены, потому что те были загорожены телами упавших и испустивших дух. Поэтому весьма многие стали входить в город со стен через их развалины, а выходящих им навстречу убивали. Царь же, отчаявшись, стоя и держа в руках меч и щит, сказал следующее достойное скорби слово: «Нет ли кого из христиан, чтобы снять с меня голову?» Ибо он был совершенно покинут всеми. Тогда один из турок, дав ему удар по лицу, ранил его; но и он дал турку ответный удар; другой же из турок, оказавшийся позади царя, нанес ему смертельный удар, и он упал на землю. Ибо они не знали, что это царь; но, умертвив его, оставили, как простого воина. Когда же турки вошли, не потеряли они никого, кроме троих. А был первый час дня, когда солнце еще не засветилось над землей. Когда же они вошли и рассеялись от ворот Харсийских до дворца, каждого вышедшего им навстречу убивали, равно как и бегущего. Итак, они убили мужей-воинов до 2 тыс. Ибо турки боялись, потому что всегда они считали, что внутри города самое меньшее будет воинов примерно 50 тыс. Поэтому они и убили 2 тыс. Ибо, если бы они знали, что войско не превосходит 8 тыс., не стали бы они убивать кого-либо, ибо жаден до денег род этот: если даже убийца отца попадет им в руки, и того за золото они отпускают. Что и говорить о том, кто не причинил этому роду обиды, но сам от него терпит их? И в самом деле: после войны я встречался со многими из них, и они рассказывали мне: «Боясь тех, которые впереди, мы убивали всех, кто попадался раньше других. Ибо, если бы мы знали, что в городе такой недостаток воинов, мы всех, как овец, продали б».

Пехотинцы же дворца тирана, которые называются также янычарами, одни побежали во дворец, другие же к монастырю великого Предтечи, называемому «Петра», и в монастырь Хоры, в котором находилась тогда и икона пречистой моей богоматери. О, язык и уста, намеревающиеся вы-сказать, что случилось с иконой из-за прегрешений твоих! Отступники торопились бежать и в другие места: и вот один из нечестивцев, протянув топор, при помощи нечистых рук своих разделил ее на четыре части, и, когда был брошен жребий, каждый взял свою часть с бывшими на ней украшениями, и, похитив драгоценные сосуды монастыря, ушли. Войдя в дом протостратора, отперли они сокровища, издавна, с древних дней, собранные, поднимая благородных женщин с постели, ибо было уже 29 мая, когда утренний сон сладок глазам юношей и девушек; беззаботно, надеясь на себя, спали они, как вчера и позавчера. Тогда многочисленная толпа нечестивцев бегом устремилась к Великой церкви, и везде можно было видеть некоторый ловкий прием, о котором расскажем сейчас. Ибо, когда было раннее утро и день светил еще, как волк глазами, некоторые из

ромеев во время вторжения турок в город и бегства граждан прибежали чтобы достичь своих жилищ и позаботиться о детях и женах. Когда они проходили кварталами Тавра и пробегали мимо колонны Креста, их, обрызганных кровью, спрашивали женщины: что же случилось? А когда услышали женщины отвратительную ту речь: «Неприятели внутри стен города и убивают ромеев», сначала не верили этому, и по правде сказать, даже ругали и выражали презрение, как вестнику, накликающему несчастье. Видя же позади этого другого, а после него — иного, всех забрызганных кровью, поняли, что приблизилась к устам чаша гнева господа. И тогда все женщины и мужчины, монахи, монахини побежали в Великую церковь, неся на руках детей своих, оставив дома свои желающему войти. И можно было видеть, что улица забита ими, полна людей. Но разве могли все вбежать в Великую церковь? За много пред этим лет слышали от неких лжепророков, как город будет сдан туркам и как они войдут внутрь с великою силою и как будут посечены ими ромеи везде — вплоть до колонны великого Константина. После же этого сошедший с неба ангел, неся меч, передаст царство, вместе с мечом, неизвестному некоему человеку, найденному тогда стоящим у колонны, очень простому и бедному, и скажет ему: «Возьми меч этот и отомсти за народ господа». Тогда турки обратятся в бегство, а ромеи, поражая, будут преследовать их: и выгонят их и из города, и из областей запада и востока, до пределов Персии, до места, называемого «Монодендрий». Памятуя об этом, некоторые побежали и другим советовали бежать. Решили ромеи теперь осуществить то, что давно было задумано, и говорили: «Если мы оставим позади себя колонну Креста, мы избежим грядущего гнева божия». По этой причине и побежали в Великую церковь. Итак, преогромный храм тот в один час сделался полным как мужчин, так и женщин: и внизу, и вверху, и в боковых пристройках, и во всяком месте толпа бесчисленная. Заперев двери на запоры, стояли, ожидая спасения. О, несчастные ромеи! О, жалкие: храм, который вчера и позавчера вы называли вертепом и жертвенником еретиков и внутрь которого ни один человек из вас не входил, чтобы не оскверниться, потому что внутри его священнодействовали лобызавшие церковную унию, — теперь, по причине проявившегося гнева божия, вы ищите в нем спасительное избавление. Но, и когда пришел справедливый гнев божий, не подвинул бы он сердца ваши к миру. Ибо даже в столь великой опасности, если бы ангел сошел с неба, спрашивая вас: «Если принимаете унию и мирное состояние церкви, я выгоню врагов из города», — вы не согласились бы. А если бы и согласились, ложью было бы соглашение. Знают это говорившие немного дней тому назад: «лучше попасть в руки турок, чем франков».

Турки, разбегаясь во все стороны, убивая и беря в плен, пришли, наконец, к храму, когда еще не миновал первый час утра, и, увидев, что ворота заперты, не мешкая, разломали их топорами. Когда они, вооруженные мечами, ворвались внутрь и увидели бесчисленную толпу, каждый стал вязать своего пленника, ибо не было там возражающего или не предававшего себя, как овца. Кто расскажет о случившемся там? Кто расскажет о плаче и криках детей, о вопле и слезах матерей, о рыданиях отцов, — кто расскажет? Турок отыскивает себе более приятную; вот один нашел красивую монахиню, но другой, более сильный, вырывая, уже вязал ее: причина этой борьбы и захвата — локоны, обнажившиеся груди и сосцы, поднятые от горя руки. Тогда рабыню вязали с госпожой, господину с невольником, архимандрита с привратником, нежных юношей с девами. Девы, которых не видело солнце, девы, которых родитель едва видел, влачили грабителями; а если они силой отталкивали от себя, то их избивали. Ибо грабитель хотел отвести их скорее на место и, отдав в безопасности на сохранение, возвратиться и захватить вторую жертву и третью. Насильничали грабители, эти мстители божии, и всех можно

было видеть в один час связанными: мужчин — веревками, а женщин — их платками. И можно было видеть непрерывно выходящие из храма и из святилищ храма ряды, подобные стадам и гуртам овец: плачут, стенают и не было жалеющего. О храме же как я мог бы рассказать вам? Что сказал бы или что крикнул? Прилип язык мой к гортани моей. Не могу я вздохнуть, ибо запечатались уста мои. В одну минуту разрубили собаки святые иконы, похитив с них украшения, ожерелья и браслеты, а также одежды святой трапезы. Блестящие лампы—одни портят, другие забирают; драгоценные и священные сосуды священного сосудохранилища, — золотые и серебряные, и из другого ценного вещества приготовленные, — в один момент все унесли, покинув храм пустынным и ограбленным и ничего не оставив. Тогда сбылось и на новом Сионе сказанное от бога чрез Амоса пророка: «Следующее говорит господь бог вседержитель: „Отомщу я жертвенникам Вефиля, и разрушатся; сокрушу роги жертвенника, и падут на землю; и дом, окруженный колоннами, сделаю домом разрушенным. И погибнут дома, сделанные из слоновой кости; истреблены будут многие другие дома", — говорит господь. «Отвернулся я от праздников ваших, и не стану я услаждаться празднествами вашими, и даже, если бы вы принесли мне всеожжения и жертвы ваши, смотреть на них не буду. Прочь от меня эхо песнопений твоих, и хвалебную песнь музыкальных инструментов твоих не буду слушать». И сказал господь ко мне: «Приходит конец народу моему Израилю, Не будет больше, чтобы я старался проходить мимо него без внимания: и затрещат потолки храма в день тот», — говорит господь. Итак, послушайте это, утесняющие с раннего утра бедняка и порабащивающие нищих земли, — вы, которые говорите: «когда пройдет месяц, и мы займемся торговлей? Когда пройдут субботы, и мы откроем магазины, чтобы сделать меру малой, а вес увеличить и весы сделать неправильными, - чтобы завладеть таким образом серебром бедных и деньгами убогих?» «В тот день, — говорит господь, — зайдет солнце в полдень, и среди бела дня станет темно на земле. И превращу я праздники ваши в скорбь и все песнопения ваши в рыдание».

Случилось так, что в тот страшный день гибели города праздновалась и восхвалялась память преподобной мученицы Феодосии. Совершалось всенародное празднество, ибо очень многие мужчины и женщины с вечера проводили всю ночь у гробницы преподобной. Еще больше пришло народу рано утром, когда наступил день: но женщины с мужьями своими, которые отправились на поклонение в праздничных украшениях и нарядах, неся восковые свечи и курения, неожиданно попались в силки турок. Ибо как могли они заметить разразившийся внезапно гнев божий при столь великой ширине города? Гроза эта, о которой мы говорили, началась и жгла от ворот Харса, и святого Романа, и со стороны дворца. Сопrotивление же кораблей и гавани не давало туркам места приставить здесь к стенам лестницы. Ромеи были сильнее турок, они бросали камни и метали стрелы до третьего часа дня, пока не подошла часть грабящих с раннего утра внутри города турок. Увидев, что ромеи сражаются против тех, которые были вне стен, они, издав из всей мочи крик, побежали на верх стены. Ромеи же, увидев турок внутри города, со скорбным воплем: «Горе мне», — стали падать со стены, ибо не было больше сил и бодрости у ромеев. Тогда и те, которые сражались на кораблях, увидев турок внутри стен, поняли, что город взят, и, как можно скорее, приставив к стенам лестницы, устремились внутрь, а затем и все, разбив ворота, вошли внутрь. Великий же дука, увидев турок, пришедших на место, где он стоял, — ибо охранял он Царские ворота, — тоже отступил с немногими к собственному дому. И, конечно, все они рассеялись: одни, прежде чем достичь своего жилища, были взяты в плен; другие же, достигнув своих жилищ, увидели, что нет в них ни детей, ни жены, ни вещей, и сами они не успевали начать стенать и плакать, как уже оказывались связанными;

иные, приходя в свои жилища, заставляли жену и детей уже в руках турок и сами сдавались, и их связывали вместе с любимейшими и супругой. Стариков же и старух, которые находились в доме и не могли выйти из жилища вследствие болезни или старости, турки безжалостно убивали. Младенцев, недавно рожденных, бросали на улицы. Великий же дука увидел, что дочери его, и сыновья, и жена — ибо она хворала, — заперлись в башне и препятствуют туркам войти, и в этот момент сам был схвачен с теми, кто следовал за ним. Тиран же послал некоторых сторожить и его и весь дом его. Тем туркам, кто схватил его и окружил дом его, великий дука дал достаточно серебра, так, чтобы при помощи их присяги видно было, что он выкупил своих. Итак, со всем своим семейством он охранялся. Турки же, войдя в город, все — даже конюхи и пекари, грабя, уносили награбленное. А Иоанн Джустиниани, о котором была речь выше, отправился на корабль, чтобы была уврачевана рана, которую он получил: вдруг, когда он был в гавани, прибежали бегом некоторые из его воинов, рассказывая, как турки вошли в город и как убит был царь. Услышав это неприятное, горчайшее известие, приказывает он, чтобы глашатаи при помощи труб созвали его тяжеловооруженных спутников по плаванию. Подобным образом стали готовиться и остальные корабли. Ибо очень многие из них лишились своих капитанов, попавших в плен. И можно было видеть на прибрежной части гавани зрелище, достойное жалости: жалобно кричали мужчины, женщины, монахини, монахи; бия себя в грудь, просили они тех, кто был на кораблях, взять их с собой. Но это было невозможно: предопределено было разом испить чашу, полную гнева господина. Ибо, если моряки и желали, не могли они сделать это, потому что, если бы суда тирана не были заняты добычей и разграблением города, ни один из них не был бы выпущен. Но турки, оставив свои суда, все были внутри города, и латиняне, уловив безопасный момент, вышли из гавани. Тиран же скрежетал зубами, но сделать что-либо большее не мог и против воли смирился. Те же, кто жил в Галате, увидев это неисцелимое бедствие, с женами и детьми побежали на морской берег, разыскивая лодки. И когда находили челнок, садились в него и врывались на корабли, бросая и вещи и жилища. А было много и таких, которые от насилия бросали в глубину и сокровища свои и другой ужасный вред учиняли. Один из везирей тирана, — Заган ему имя, — который был любим тогда Магометом, ибо он рукоплескал тирану, желавшему войны, прибежав в кварталы Галаты, — кричал: «Не бегите!», — и, присягая, клялся головою тирана, говоря: «Не бойтесь, ибо вы друзья вождя, и ваш город останется неприкосновенным, и договоры, которые вы имели с царем, — будут еще более прочными; а о другом не заботьтесь, чтобы не возбудить вождя на гнев». Сказав это, Заган стал препятствовать франкам покинуть Галату. Однако кто был в состоянии бежать, убежал. Тогда остальные, посоветовавшись между собой, взяли-ключи от укрепления и своего подесту и ушли, намереваясь учинить поклонение тирану. И когда было учинено поклонение и отданы ключи, он с великой радостью взял и отпустил их с веселыми словами и взором. Корабли же — только пять больших натянули паруса; другие же не могли выйти, ибо эти корабли были покинуты моряками, и их капитаны спаслись, убежав с другими. Моряки обратились в бегство, оставив своих капитанов в плену и занялись своим спасением. Итак, выйдя из гавани, когда подул северный ветер, при полных парусах они поплыли, со стенаниями и рыданиями оплакивая бедствие города. Подобным образом поступили и купеческие триремы венецианцев. Турки же, находившиеся на судах, обнаружив вне города весь отвергнутый моряками народ, — мужчин и всех женщин, — собрали их и ввели на суда; остальной же народ, как скот в хлевах, расположился вне города в палатках лагеря.

Гл. 40. Все это происходило от первого часа дня до восьмого. Тогда и тиран, отложив всякое подозрение и страх, вступил внутрь города с везирами своими и другими сатрапами, имея впереди и позади своих рабов, дышащих огнем, и всех стрелков, ростом выше Аполлона, этих новых потомков Геркулеса: каждый готов был противостоять десяти. Подъехав к Великой церкви, он сошел с коня, вошел внутрь и остановился вне себя от восхищения пред открывшимся зрелищем. Найдя какого-то турка, ломавшего мрамор, спросил его, почему он портит седалище. Тот же ответил: «Веры ради!» А этот, протянув руку, поражает турка мечом, говоря при этом следующее: «Хватит с вас сокровищ и пленных, здания же города принадлежат мне!» Ибо тиран раскаивался в учиненном им догворе, видя расточаемые сокровища и безмерное количество пленных. Вытащив же одного турка из-под ног, выбросили его полумертвым вон. Сам же потребовал одного из своих мерзостных священников: позванный взошел на амвон и пробормотал мерзостную свою молитву. Сын же беззакония, предтеча антихриста, взобравшись на святую трапезу, сотворил молитву. О, горе! О, приводящее в трепет знамение! Выйдя из храма, стал он разыскивать великого дуку, и тотчас представили его к нему. Когда тот пришел и приветствовал его, он сказал ему: «Хорошо вы сделали, что не сдали мне города? Вон сколько вреда произошло, сколько смертей и пленных!», Дука же отвечал: «Господи! Не имели такой мы возможности сдать тебе город: и даже сам царь не мог бы это сделать. Наоборот, даже некоторые из твоих-поддерживали царя, и писали ему так: «Не бойся, потому что не отважится он против вас!» Тиран, конечно, понял, что речь идет о Халил-паше, ибо питал гнев на него. Тогда, услышав имя царя, он спросил, не бежал ли император с кораблями. И дука ответил, что не знает, ибо он был в Царских воротах в то время, когда турки пошли на царя в атаку, ворвавшись в Харсийские ворота. Тут отделилась из среды войска два молодых человека. Один из них сказал тирану: «Господин! Я убил его. А стремясь скорее войти в город, и вместе со своими грабить, я оставил его, покинув мертвым». Другой же сказал: «Я сначала поразил его!» Тогда тиран, послав их обоих, приказал принести его голову. Они же, быстро побегав, нашли и, отрубив его голову, представили вождю. Тиран же сказал великому дуке: «Скажи мне правду: действительно ли это голова твоего царя?» Тогда тот, узнав ее, сказал «Его, господин!» Смотрели ее также и другие и признали. Тогда приколотили ее на колонне площади Священного дворца, и стояла она до вечера. После же этого, ободрав ее и набив содранную кожу мякиной, послал он это повсюду, показывая этот знак победы вождю персов и арабов и всем туркам. Другие говорят, что дука находился с Орханом в башне укрепления, которое защищали франки, и там сдался, видя, что нельзя было больше противостоять туркам. Там же, вместе с дукой, было очень много благородных архонтов. Орхан выпросил у одного монаха его одежды и, одев их, подал монаху свои. И чрез большую бойницу выбросился Орхан на землю вне города. А турецкие моряки, взяв его и связав, бросили внутрь корабля вместе с другими пленными. Сдавшие башню были отведены внутрь того же корабля. Тогда один из пленных ромеев, хлопоча о своем освобождении, сказал капитану корабля: «Если ты, освободишь меня сегодня, я могу выдать тебе Орхана и великого дуку». Тогда, услышав это, капитан корабля поклялся освободить его. И тогда тот показал на одетого в черную монашескую одежду Орхана: и, удостоверившись, что это действительно он, капитан корабля отрубил ему голову. Великого дуку он отвел живым к вождю в Космидий, взяв и голову Орхана. А вождь, благодетельствовав капитана корабля и весьма многое ему пожаловав, отпустил. Великому дуке он приказал сесть и, ободрав его, повелел, чтобы в лагерях и на кораблях были разысканы дети и жена его; и тотчас были они приведены. Тогда вождь, дав по тысяче аспр за каждую голову, отпустил всех домой, вместе и с самим великим дукой, ободрав его и в высшей

степени успокоив. Он сказал: «Этот город я намереваюсь вернуть тебе, чтобы ты имел всяческую о нем заботу, и слава твоя будет больше, чем та, какую имел ты во времена царя. Поэтому не печалься». Поблагодарив и облобызав руку тирана, ушел великий дука в дом свой. Узнав же от него имена благородных и выдающихся во дворце должностных лиц, Магомет записал их. Собрав всех с кораблей и палаток, он выкупил их, дав туркам по тысяче аспр за каждого. Когда же наступило утро после того первого и мрачного дня, в который соделалась совершенная гибель рода нашего, тиран, войдя в город, пришел к домам великого дуки. Тот вышел ему навстречу и приветствовал его, а тиран вошел внутрь. Жена великого дуки была больна и лежала в постели. Тогда этот волк во образе овцы, приблизившись к достели, сказал, обратившись к ней: «Радуйся, о мать! Не скорби по поводу случившегося. Да будет воля господ! Я дам тебе еще больше, чем ты потеряла. Только выздоравливай!». Дети же великого дуки, подойдя, приветствовали его и благодарили. И он вышел и объехал город. Ибо все было пустыней: ни человека, ни скота, ни птицы, каркающей или щебечущей внутри города. Многие из турок были убиты друг другом: один тянул от другого награбленное; и сильный отнимал, а тот кто не мог противостоять, получая смертельный удар, падал. Во второй день, 30 мая, вошли они снова в город и стали собирать остатки добычи. Тогда тиран, проехав большую часть города и устроив в соседнем дворце пирушку, развеселился. И, уже залившийся вином и пьяный, приказал явиться начальнику своих евнухов и, дав ему полномочия, сказал: «Сходи в дом великого дуки и скажи ему: „Вождь повелевает, чтобы ты прислал на пир своего младшего сына!“ Ибо мальчик, которому шел четырнадцатый год, был красив. Услышав этот приказ, отец сделался почти бездыханным, лицо его изменилось, — и говорит он начальнику евнухов: «Не в нашем обычае собственными руками отдавать своего дитя, чтобы он был осквернен им. Лучше было бы прислать для меня палача и снять с меня голову». Начальник же евнухов советовал ему отдать мальчика, чтобы не воспламенить гнев тирана. Он же, не подчинившись, сказал: «Если хочешь взять его и уйти, возьми и уйди; но никогда не будет того, чтобы я отдал его по своей воле». Тогда начальник евнухов, возвратившись, рассказал вождю все, что он слышал от великого дуки и как тот не пожелал отдать мальчика. Тогда тиран разгневался и сказал начальнику евнухов: «Возьми с собой палача и, возвратившись, приведи мне мальчика. Палач же пусть приведет дуку и сыновей его». Тогда пришли они, и, услышав эту весть, дука обнял детей своих и жену и отправился с палачом вместе с сыном своим и зятем своим Кантакузином. Мальчика же взял с собой начальник евнухов. Итак, придя, он представил мальчика вождю; остальным же, стоявшим в воротах дворца, вождь приказал отсечь мечом головы. Тогда, отведя их в сторону от дворца, палач объявил им решение. Сын дуки, услышав о казни, стал плакать, но его отец мужественно и твердо укреплял молодых людей, ободряя их и говоря: «Детки! вы видели вчера все наши потери, которые совершились в один роковой день. Богатство наше неисчерпаемое, слава дивная, которую мы имели в великом этом городе, а чрез него и во всех странах, населенных христианами; все погибло. Ныне, в час этот, не осталось для нас ничего иного, кроме жизни. Но и она не будет бесконечна, ибо по прошествии некоторого времени, когда-либо мы умрем. И как? Уничтожаемые, мы лишились имущества, славы, чести, политической самостоятельности; все нас будут поносить, презирать и терзать до тех пор, пока не придет к нам смерть, взяв нас презренных из здешнего мира. Где наш император? Не убит ли он был вчера? Где мой сват, а твой отец, великий domestik? Где протостратор Палеолог, с двумя своими сыновьями? Не убиты ли они были вчера в сражении? О, если бы и мы умерли с ними! Однако и этого часа достаточно, чтобы мы не грешили больше. Ибо кто знает оружие дьявола: мы, медля умереть, поражены бы были

его источающими яд стрелами? Ныне готово поприще, чтобы во имя распятого за нас, и умершего, и воскресшего умерли и мы, дабы насладиться с ним его благами». Сказал он это и ободрил юношей, и сделались они готовыми к смерти. И говорит он палачу: «Сделай то, что приказано тебе, казни прежде юношей!» И, послушавшись, отсек палач головы юношам; а великий дука стоит и говорит: «Благодарю тебя, господи!» и еще: «Праведен ты, господи!» Тогда сказал он палачу: «Брат, дай мне небольшую задержку: войти и помолиться!» Ибо был в том месте небольшой храм. Тот отпустил, и этот, войдя, помолился. Тогда вышел он из ворот храма: а тела детей его еще трепетали там. И, когда он опять воздал славословие богу, была отсечена голова его. Взяв головы, палач пришел на пиршество, представив их кровожадному зверю; тела же оставил там обнаженными и непогребенными. Подобным же образом послав палача, тиран умертвил и всех тех благородных и придворных сановников, кого он выкупил. Из жен же и детей их выбрал он для себя красивых девушек и прекрасных мальчиков и передал их начальнику евнухов, чтобы оберегал их. Остальных же пленных передал другим, чтобы заботились о них, пока не будут приведены в его Вавилон — Андрианополь. И виден был весь город в лагерных палатках, город пустынный, мертвый, бездеятельный, опустевший, беззвучный, не имеющий прежнего вида.

Глава 42. Итак, спустя три дня после взятия города разрешил он, чтобы каждый корабль отправился в свою область и город, — неся такой груз, что глубоко погружались в воду. Что же это за груз? Многоценная одежда; сосуды — серебряные, золотые, медные, оловянные; книги свыше числа; пленные: и священники, и миряне, и отшельники, и монахи. Все были полны груза. Палатки же лагеря полны были пленных и всего выше перечисленного. И можно было видеть среди варваров: одного — одетого в первосвященнический саккос; другого — опоясывающегося золотой эпиграхилью, тянущего на ней связанных друг с другом собак; иных — одетых вместо толстых плащей в златотканые плащаницы с шитым изображением агнцев. Другие сидели на пирушках и ели из стоявших пред ними дисков с различными плодами, и пили несмешанное вино из священных потиров. Все же книги, превосходящие всякое число, погрузив на повозки, рассеяли всюду на Восток и на Запад. За одну номисму десять книг продавалось: Аристотеля, Платона, богословских и всякого иного вида книг Евангелия с бесчисленными украшениями, сдирая золото и серебро, одни продали, другие бросили. Все иконы предали огню: поджаривая на этом пламени мясо, ели его.

Тогда в пятый рень вошел он в Галату и, приказав сделать перепись всех обитающих в ней, много жилищ нашел запертыми, ибо латиняне бежали на корабли. Повелел он открыть дома их и сделать опись всего имущества каждого из бежавших, говоря: «Если до прошествия трех месяцев они вернуться, пусть они получают имеющееся у них; если же не вернуться, будет это принадлежать вождю». Затем приказал он, чтобы все войско и окрестные кварталы разрушили и бросили на землю стены Галаты и очистили те места, — что и было сделано. Итак, сокрушив сухопутные стены, оставили в целости лежащие у моря. Каменщикам же повелел он иметь в течение всего августа месяца наготове известь, чтобы перестроить обрушившиеся стены города. Сам же составил списки на пять тысяч семей из областей Востока и Запада и повелел им под угрозой смерти до сентября месяца со всем домом быть в городе, поставив над ними начальником раба своего именем Солимана. И сделав великий храм святилищем бога своего и престолом Магомета, остальные оставил пустынными; победителем отправился он в Адрианополь, имея с собой свыше меры пленников и добычу без числа. Вышел он из города 18 июня, всех благородных женщин и дочерей их везя на повозках и на верховых конях. Жена же вели-

кого дуки в дороге скончалась, вблизи селения, именуемого Месиной, — и похоронили ее там; это была женщина благоразумная и воздержанная во всяческих душевных страстях, повсюду пользовавшаяся славой вследствие благодеяний ее и жалости к бедным.

В Адрианополь вошел он с выдающимся в высшей степени триумфом. Можно было видеть стекающиеся к нему все страны и всех начальников, и вождей христиан,—близких и дальних,—приветствующих его так: «Радуйся! Как сердце твое, как голова, как губы, как рот?» Но неохотно и без желания творили они ему с дарами поклонение, боясь, как бы и сами не пострадали подобным же образом. Тиран же сидел гордо и надменно, хвастаясь взятием города. Вожди же христиан стояли в трепете, ожидая, что же он будет говорить им относительно будущего. И вот отвечивал он прежде всего послу Сербии, повелев, чтобы ежегодно она давала державе турецкой двенадцать тысяч номисм; далее, чтобы деспоты Пелопоннеса давали десять тысяч и ежегодно с дарами приходили на поклон к нему: чтобы Хиос ежегодно вносил шесть тысяч номисм, а Митилена— три тысячи; Трапезунту и всем живущим по Потийскому морю приказано было, чтобы ежегодно, приходя, творили ему поклонение с принесением даров и платили дань. Итак, в первом после взятия Константинополя году, в августе месяце, послы деспота Сербии, придя и передав должные дани, совершили и великую милостыню в Адрианополе, ибо, по повелению их деспота Георгия, они выкупили монахинь; молодых и старых освободил он до сотни. Также из знатных и из придворного чина все пленники, стекающиеся в Сербию, получали от него и от царицы средства на выкуп милосердия ради. Когда началась глубокая осень и шел год уже 6962-й, то, проведя зиму дома, весной пожелал тиран напасть на деспота и всю Сербию присоединить к своей державе. Что касается деспота, то он после взятия города каждый день ожидал горького этого известия и несправедливости хищника. Ибо был это старец опытный, и много пострадал деспот от несправедливостей тирана. А каков был повод к несправедливости, тиран объявил ему, говоря: «Место, которым ты владеешь, т.е. Сербия, не твое, не отца твоего; оно принадлежало Стефану, сыну Лазаря: следовательно, теперь оно мое. Поэтому уйди скорее из пределов ее. Я же намерен подарить тебе часть земли отца твоего Вулка и город Софию. Если же нет, иду на тебя». Объявив это через одного из вернейших рабов своих, приказал он рабу в течение двадцати пяти дней предстать пред лицо его, чтобы сообщить ответ; если же он не сделает этого, то ему отсекут голову, а тело бросят на съедение зверям. Посол тирана, прибыв в Сербию и узнав, что деспот проводит время по ту сторону Петра, не знал, что делать: архонты Сербии задерживали его, говоря, что сегодня деспот придет, что завтра он вернется. При этом они заботились об укреплениях и на случай нужды запасали все на складах. Итак, видя, что он обманут, посол стал бояться и наказания за просрочку, ибо он провел там свыше тридцати дней. Итак, тиран, охваченный яростью, вышел со всем войском из Адрианополя и достиг Филиппополя. Раб же его, вернувшись и известив о бегстве деспота в Венгрию, поведал и об архонтах его: как задержали его и не отпускали. Тиран был намерен умертвить его и сделал бы так, если бы раб не рассказал вождю о причинах задержки, объясняя и свое замедление, и приготовления сербов, и бегство деспота. Венгры же, перейдя где-то реку и опустошив окрестности Тырнова, встретились с турецким войском и, одержав победу, с многочисленной добычей переправились опять через Истр. Тиран же, выступив из Филиппополя, отправился в Софию, и, оставив там войско, везирей своих и все собрание старейшин, сам с пехотой до 20 тыс. вторгся в Сербию. Однако он не нашел там никого, кто противостоял бы ему, ибо деспот задолго до того переправился в Венгрию со всем своим семейством, а вместе с ним сановники его со всем домом. Укрепив крепости и повелев всему народу расположиться внутри

их, приказал деспот людям не бояться и не сдаваться врагу, ибо надеялся он через некоторое время опять прийти сюда с великой силой. И дошел тиран до Смедерова, ибо жаждал взять этот город, потому что стоял он на высоком берегу реки и давал проход тому, кто собирался проникнуть в Венгрию. Однако, не сумев ничего сделать, повернул он назад. Напал он на один из городков: крепость не сдавалась; люди же, расположившиеся вне городка, пришедшие из деревень и полевых селений, имели свой стан вне крепости, защищающий их. Ибо городок был укреплен; внешнее же укрепление не было таким: с клятвами клятвopеступник взял его. И, после того как взял, всех обратил в рабов и увел; крепость же не сдалась. Итак, повернув в Софию и выступив оттуда, пришел он в Адрианополь, ведя добычу, и там половину ее подарил старейшинам и потрудившимся с ним. Сам же, взяв свою половину пленных, послал их в деревни вокруг Константинополя, поселил их там; доставшаяся ему часть составляла 4 тыс. мужчин и женщин. Выступив из Адрианополя, прибыл он в Константинополь. Ибо, когда он проживал еще в Филиппах, он приказал отстроить расшатавшиеся стены города. Нашел он их теперь отстроенными и хорошо приспособленными, как было должно. Войдя в город и отмерив в середине его землю, заключающую в себе восемь стадий или даже более, он приказал обнести ее оградой и внутри ее построить дворцы. Когда были возведены стены, он покрыл их сверху свинцовой крышей, взяв ее с монастырей, ибо они оставались пустынными. Ведь в монастырь Пантократора пришли и поселились в нем валяльщики, а в середине храма работали сапожники; в монастыре Манганском поселились турецкие монахи [дервиши], во всех остальных турки с женами и детьми.

То, что я пишу о случившемся после взятия города, собственно говоря нельзя писать. Ибо неприлично было бы мне описывать победы и отважные деяния нечестивого тирана и непримиримого врага и губителя рода нашего. Но расскажу я о том, что побудило меня писать. Еще будучи юным, слышал я от неких старых почтенных мужей, что конец тирании Османов совпадает с концом империи Палеологов. Ибо в одно и то же время пришли к власти Осман в тирании и Михаил Палеолог в империи; Михаил немного раньше, а Осман немного спустя в дни сына его [Михаила] Андроника Палеолога. Не был и в дни Михаила тираном Осман, — разве только не разбойничал. Поэтому надлежало, чтобы и конец случился — сначала императоров и города, а затем Османов. Ибо как-то раз по полету и крику птиц Михаил гадал, унаследует ли сын его царство его. Ибо он мучился совестью, несправедливо захватив царство, ослепив наследника и приняв бесчисленные проклятия на свою голову и на род свой. Оракул издал неопределенный звук; «Мамаими». Прорицатель же, истолковывая его, сказал: «Сколько букв в непонятном этом слове, столько из рода твоего будет царствовать императоров, и тогда отнимется от города и от рода твоего царство». И вот мы, преуспевшие в последнем течении времени и видевшие страшную, с несчастными предзнаменованиями грозу, случившуюся над родом нашим, в мечтах наших ожидаем исполнения. В силу этого страстного, неудержимого желания мы, моля наказующего и опять врачующего бога и надеясь на осуществление предсказанного мудрыми мужами, описываем случившееся после грозы божией от тирана.

Воспроизведено по изданию: Византийский временник. - 1953. - №7. - С.338-410.